

А. КЛИНГЕ***Ленин. Самая правдивая биография Ильича****

<Фрагмент>

К читателю

Эта книга — о Ленине.

У каждого жителя нашей страны в возрасте от 40 лет и старше это имя сразу же воскресит в памяти далекое детство. В советские времена Ленин окружал нас повсюду. Его статуи стояли во всех больших и малых городах. Его лицо с хитрым прищуром смотрело на нас с пионерских значков, почетных грамот, даже денежных купюр. Именем Ленина называли колхозы, Дома культуры, заводы, институты.

В детских книжках Ленина изображали либо «маленьким Володей», который с детства умел все делать правильно, либо добрым дедушкой — лучшим другом советских детей. Для взрослых существовал целый культ Ленина, почти религиозный по своему характеру. «Ленин — наш бог», — бросал колхозник в лицо кулакам-бандитам в одном известном советском фильме. И он был глубоко прав. «Ленин — вечно живой», — говорила советская пропаганда. Ленин изображался в роли некоего сверхъестественного покровителя, способного прийти на помощь в трудную минуту.

И тихо, когда тебе трудно,
Приди за советом сюда.
Все мертвые спят беспобудно,
Но Ленин не спит никогда.
И руки на плечи положит
Ильич, наш товарищ в борьбе,
И если никто не поможет,
То Ленин поможет тебе.

Так писал Евгений Евтушенко в семидесятые годы. Отсюда до религиозного культа — уже рукой подать.

Даже когда началась перестройка и ниспровержение всех и всяческих идеалов, Ленина поначалу не трогали. Более того, говорили о возвращении к чистым истокам ленинских идей, к социализму с человеческим лицом. Только в самом конце восьмидесятых «са-

---

* Александр Клинге — современный писатель-документалист, историк, публицист. Автор книг «Запрещенный Гитлер. 10 мифов о фюрере», «Маннергейм и блокада» и др.

** Статья (книга) написана в 2017 г., к 100-летию русской революции.

мого человеческого человека» решили свергнуть с пьедестала. Грубо и просто, поменяв все знаки на противоположные, превратив доброго дедушку и «небесного заступника» в злобного монстра, погубившего Россию. Выходит пасквиль Солоухина «При свете дня», а следом — двухтомная биография, написанная Дмитрием Волкогоновым, недавним верным ленинцем и политическим пропагандистом, а теперь — «срывателем покровов».

Впрочем, интерес к Ленину довольно быстро угас. В глазах как сторонников, так и противников советской власти его заслонила мощная фигура Сталина. Действительно, коллективизация и массовые репрессии тридцатых — гораздо более удобный материал для «осуждения тоталитаризма», чем «красный террор» времен Гражданской войны (без подобного террора не обходилась пока ни одна крупная усобица в истории). А индустриализация, победа в Великой Отечественной войне, превращение страны в сверхдержаву выглядят гораздо красивее, чем Брестский мир и НЭП.

В результате фигура Ленина оказалась, как это ни парадоксально может прозвучать, полузабытой. Даже те, кто любит или ненавидит его, делают это, как правило, на основе своих симпатий и антипатий к советскому строю в целом. Ильич превратился в выцветшую фотографию в старой газете, в человека, имя которого все знают, но весьма смутно представляют себе, кто же он такой.

Ну и хорошо, — вздохнет, может быть, кто-нибудь из читателей. Пусть поскорее уходит в небытие! Такому читателю я поспешу напомнить, что история имеет свойство повторяться. Конечно, не целиком и в точности, но иногда в очень существенных чертах. Сегодняшняя Россия имеет много общего с Российской империей конца XIX века. А значит, судьба Владимира Ильича Ленина — вне зависимости от того, плохо или хорошо мы к нему относимся, — вновь становится остроактуальной.

У Ленина было много ипостасей. Для жителей России он — пламенный революционер и первый глава советского государства. На Западе его помнят не в последнюю очередь как плодовитого писателя, ученого-марксиста, который внес большой вклад в разработку теории империализма. Он был и тем, и другим. А еще — живым человеком, таким же, как и мы. Насколько эта многогранная фигура сложнее и богаче, чем плоский образ, созданный сначала советской, а затем постсоветской пропагандой! Кажется, у нас до сих пор не было шанса это осознать.

Сегодня в России практически отсутствуют краткие, емкие, современные и в то же время непредвзятые биографии Ленина. Именно такую книгу мне хотелось бы написать. Насколько у меня это получилось — решать читателю.

Глава 1 Отличник

Биографию крупного политика принято начинать с рассказа о его предках. Ленинские биографии — не исключение. Более того, вопрос о предках Ленина (точнее, об их национальности) долгое время являлся одним из самых актуальных вопросов отечественной исторической науки. В советское время было принято изображать его стопроцентно русским человеком, поэтому новость о том, что в роду Володи Ульянова были евреи, стала в годы перестройки настоящей сенсацией. Хотя, если вдуматься, для России примесь «инородческой» крови — скорее правило, чем исключение.

Я позволю себе немного нарушить традицию. Какая разница, кем был и чем занимался прадед Ленина, если герой нашей книги его никогда в жизни не видел и не ощущал никакого влияния с его стороны? Вместо этого расскажу о тех, кто действительно внес огромный вклад в формирование личности будущего основателя советского государства.

Володя Ульянов родился 10 апреля 1870 года (по старому стилю; по новому, как известно всем советским пионерам, 22 апреля). Местом его рождения был стоявший на берегу Волги провинциальный городок Симбирск (сегодняшний Ульяновск). Володя стал третьим ребенком в семье, которая, как и многие тогдашние российские семьи, была многодетной. Сколько всего детей родилось у Ильи и Марии Ульяновых, точно неизвестно (по разным данным, от 7 до 9), но из младенческого возраста вышли шестеро.

Кем были родители Ленина? В советское время всячески подчеркивалось, что Ильич был плоть от плоти трудового народа. В девяностые иные авторы стали превращать его едва ли не в богатого помещика. Истина, как это часто бывает, лежит посередине.

Отец Ленина, Илья Николаевич Ульянов, родился в 1831 году в Астрахани. Некоторые историки предполагают, что в его жилах текла помимо русской калмыцкая кровь. Отец Ильи Николаевича был портным, достаточно обеспеченным по меркам того времени. Закончив с серебряной медалью Астраханскую гимназию, юноша поступил на физико-математический факультет Казанского университета и в 1854 году закончил его в числе лучших выпускников. Необходимость упорно трудиться, усвоенную им с младых ногтей, Илья Николаевич затем передал своим детям.

В 1861 году Мария приехала в Пензу в гости к старшей сестре Анне — супруге директора того самого Дворянского института, где преподавал Илья. Вскоре молодые люди познакомились. У них оказалось немало общего, и они стали все больше времени про-

водить вместе. Он помогал ей в подготовке к экзамену, она учила его разговорному английскому. Дружба переросла в большое и светлое чувство. В августе 1863 года Илья и Мария сочетались законным браком.

Практически сразу же молодая семья уехала в Нижний Новгород, где Ульянов получил должность учителя математики и физики в мужской гимназии. Именно здесь родились старшие дети — дочь Анна (1864 год) и сын Александр (1866 год). В 1868 году родилась еще одна дочь, Ольга, но умерла во младенчестве. Это стало большим ударом для семьи Ульяновых.

В 1869 году Илья Николаевич Ульянов получил назначение на должность инспектора народных училищ Симбирской губернии. Это была административная должность, фактически означавшая серьезное повышение по службе. Еще через пять лет отец Ленина станет директором губернских народных училищ, а в 1877 году получит чин действительного статского советника, дававший право на потомственное дворянство. Кроме того, за годы службы он был удостоен пяти орденов (о последнем награждении станет известно уже после его смерти).

Таким образом, Ленин был по своему происхождению дворянином. У нашего современника при слове «дворянин» в воображении всплывает богатая усадьба, лакеи и псовая охота. На самом деле эта картинка относится только к «сливкам» российского дворянства, к наиболее богатым и знатым семействам. К 1870 году в Российской империи было более полумиллиона потомственных дворян, из которых только каждый пятый владел хоть какой-нибудь землицей. Типичный русский дворянин второй половины XIX века принадлежал к прослойке общества, которую мы сегодня назвали бы средним классом.

Именно к этой прослойке принадлежала и семья Ульяновых. Жалованье Ильи Николаевича в начале 1870-х годов составляло около 80 рублей в месяц — сумма достаточно скромная. Перевести ее на сегодняшние деньги сложно (другое соотношение между ценами на различные виды товаров), но можно сказать, что в современных российских рублях Ульянов-старший получал около 50 тысяч. На эти деньги нужно было содержать семью и еще откладывать на свой собственный дом. Со временем жалованье выросло, с 1880 года к нему добавилась пенсия по выслуге лет, но в целом до богатства было еще очень далеко, хотя и в бедности Ульяновы не жили. Свой дом — двухэтажное деревянное строение, окруженное садом, — удалось купить только в 1878 году. До этого Ульяновы сменили в Симбирске шесть съёмных жилищ. Накопить на свой собственный дом с садом удалось с большим трудом, для этого потребовалось много лет.

Но вернемся в 1870 год, когда в доме на Стрелецкой улице родился маленький Володя. У младенца были короткие, слабенькие ножки и непропорционально большая голова. «Либо очень глупый, либо очень умный он у вас выйдет», — сказала его матери повитуха, принимавшая роды.

Действительно, некоторое время этот вопрос оставался открытым. Володя очень поздно начал ходить (практически одновременно с сестрой Ольгой, которая была младше его на полтора года). Он часто падал и поднимал, как вспоминала впоследствии его старшая сестра, «отчаянный рев на весь дом». Однако неудачи совершенно не обескураживали его — успокоившись, он поднимался на ноги и снова отчаянно неся вперед — до следующего падения.

И в дальнейшем Володя оставался шумным ребенком, любил подвижные игры, беготню. Став постарше, он часто ломал свои игрушки, чтобы посмотреть, как они устроены внутри. Домашние много лет спустя вспоминали, как он немедленно разобрал на кусочки только что подаренную ему лошадку из папье-маше.

И все же мальчик быстро стал в семье всеобщим любимцем. Ему прощались многие шалости, которые не сходили с рук другим детям. Правда, и сам Володя никогда не делал ничего исподтишка, а напроказив, сразу же честно сознавался в содеянном. Мальчик с золотыми кудрявыми волосами и бойкими карими глазами — таким вспоминали его впоследствии члены семьи, таким он запечатлен на детских фотографиях.

Володя рано выучился читать. С самого детства учеба давалась ему легко. Мать достаточно много внимания уделяла его развитию, однако не мучила лишними занятиями. Когда Володя решил отказаться от игры на фортепиано, она спокойно приняла его решение, хотя и сожалела о нем.

Здоровье Володи с раннего возраста было предметом беспокойства родителей. В частности, их тревожило его косоглазие. Врач, которому показали мальчика, поставил неутешительный диагноз: косоглазие врожденное и неизлечимое. Лишь много позже, уже под конец жизни, Ленин узнал, что речь идет не о косоглазии, а о близорукости. А пока что у него выработалась привычка щурить один глаз — тот знаменитый «ленинский прищур», который знаком многим из нас с детства. В 1878 году Володя долго и тяжело болел малярией, и временами казалось, что его жизнь в опасности.

Для того чтобы ухаживать за мальчиком (а потом и за другими младшими детьми), Ульяновы в 1870 году наняли няню — Варвару Григорьевну Сарбатову. Анна Ильинична впоследствии вспоминала о ней так: «Она была из того типа старинных нянюшек, которые, не имея своей семьи, всецело прилеплялись к семье своих питом-

цев, которым отдавали не только заботу за жалование, но искренно горячую любовь <...>. Помню ее довольно объемистую фигуру, помню чисто русское, скуластое <...> некрасивое лицо с небольшими черными глазами и гладко зачесанными под <...> чепец черными с проседью волосами. Носила она обычно темные ситцевые или шерстяные платья с крупной белой клеткой или белыми горошинами, необъятные сборчатые юбки и широкие свободные кофты. Помощь ее была прежде всего чисто физической, а затем выражалась в огромной преданности питомцам, так и ко всей семье. Своей ноты в воспитание няня, конечно, не вносила. Тут она всецело подчинялась матери».

Что представляла собой семья, в которой рос будущий вождь революции? Первое, о чем нужно сказать: Илья и Мария Ульяновы были людьми, принадлежавшими к русской культуре. Своих детей они воспитывали не в немецкой, еврейской, шведской или калмыцкой традиции. Ульяновы были обычными русскими провинциальными интеллигентами, и их дети росли в соответствующей атмосфере. Поэтому любые спекуляции на тему национальности Ленина по большому счету не имеют никакого смысла.

Илья Ульянов был человеком, преданным своему делу. Работе он отдавал все свои силы, что и стало залогом его успешной карьеры. Даже в день рождения сына Владимира он находился на службе — принимал в типографии корректуру своего отчета о состоянии губернских народных училищ.

Человек прогрессивных (но не радикальных) взглядов, отец Ленина считал развитие народного просвещения важнейшей для страны задачей. Сама должность предполагала постоянные разъезды по губернии, и отца семейства часто подолгу не было дома. Тем не менее Ульянов-старший пользовался в семье непререкаемым авторитетом. Несмотря на занятость по службе, он старался уделять детям как можно больше внимания, подолгу гулял с ними вдоль Волги. Илья Николаевич строго следил за успехами детей в учебе, был сдержан, даже скуп на похвалу. Он был человеком очень начитанным, собрал дома хорошую библиотеку, и эту страсть к чтению унаследовали и его дети.

Основные хлопоты по хозяйству легли на плечи матери. Мария Александровна безропотно взяла на себя эту ношу и обеспечивала своему мужу, говоря современным языком, крепкий семейный тыл. Конечно, в одиночку справиться с домом и детьми она бы вряд ли смогла, но это было и не нужно. Уровень жизни большинства граждан Российской империи был очень низок, поэтому прислуга обходилась дешево. Каждый, кто в материальном отношении хоть сколько-нибудь приподнимался над бедностью, мог позволить

себе домашних работников. В доме Ульяновых работали кухарка и домработница. Позднее, уже после переезда в собственный дом, для ухода за садом наняли садовника. Все это, повторюсь, не было признаком большого богатства — так жили представители среднего класса со сравнительно скромными доходами.

Всю свою последующую жизнь отец Ленина посвятил преподаванию. Карьера молодого учителя медленно, но верно шла в гору. С 1854 по 1863 год он преподавал математику в Пензенском дворянском институте — школе для дворянских детей. Здесь, в Пензе, он познакомился со своей будущей женой Марией.

Мария Александровна Бланк была на четыре года младше своего мужа. В ее жилах текли еврейская, немецкая и шведская кровь. Отец Марии, Александр Дмитриевич Бланк, был крещеным евреем, еще в молодости полностью порвавшим со своими родственниками, перешедшим в православие и сделавшим впоследствии карьеру врача. Ему удалось дослужиться до чина надворного советника и, по тогдашним российским законам, получить потомственное дворянство. В 1848 году он приобрел имение Кокушкино в Казанской губернии — сравнительно небольшую деревеньку в 15 дворов. После смерти Александра Дмитриевича в 1870 году Кокушкино осталось в совместной собственности его детей.

Мать Ленина получила прекрасное домашнее образование, владела тремя языками и в 28-летнем возрасте без особого труда сдала экзамен на получение звания домашней учительницы. Правда, своим правом преподавать она так никогда и не воспользовалась, если не считать обучения собственных детей.

Семья Ульяновых регулярно посещала богослужения. Обычно ходили в расположенную неподалеку Богоявленскую церковь. Есть сведения, что Мария Александровна время от времени ходила в лютеранскую кирху, отдавая дань своим предкам. Однако все дети были крещены по православному обряду и воспитывались как православные христиане. В этом опять же семья Ульяновых ничем не отличалась от других семей российского среднего класса: православие было обыденной составляющей их жизни, выполнение обрядов — социальной нормой, о которой не особенно задумывались. Илья Николаевич был глубоко и искренне верующим человеком; по воспоминаниям дочери, «дома дети видели искренне убежденного человека, за которым шли, пока были малы». Однако его вера не была фанатичной, он был открыт для новых прогрессивных веяний времени.

Много времени Мария Александровна посвящала образованию и воспитанию детей. Как и многие представители среднего класса, Ульяновы хотели, чтобы их дети жили лучше, чем они. И здесь

матери семейства всерьез пригодились навыки домашней учительницы. Ее дети знали иностранные языки, играли на музыкальных инструментах, были прекрасно воспитаны. Родители старались привить им те качества, которые считали важными для достижения успеха в жизни: любовь к упорному труду, тягу к знаниям, стремление к достижениям и личностному росту. «Поглощенная заботой о доме и детях, их кормлением, их болезнями, мать почти не имела знакомств в местном обществе, мало к тому же интересном», — вспоминала потом ее старшая дочь Анна.

Да и в целом семья Ульяновых жила достаточно замкнуто. Илья Николаевич общался с коллегами, посещал те мероприятия, где обязан был присутствовать по должности. Однако активной светской жизни Ульяновы не вели, и близких друзей в Симбирске у них так и не появилось. Семья пользовалась всеобщим уважением, однако посторонние люди нечасто появлялись в доме Ульяновых. Приходили в основном коллеги Ильи Николаевича по службе. Глава семьи любил играть в шахматы, но его единственным партнером был пожилой управляющий Симбирской удельной конторы Арсений Белокрысенко. Он же, кстати, являлся крестным отцом Володи.

Впрочем, эта замкнутость не переходила нормальные границы. Определенные контакты Ульяновы поддерживали. Среди людей, близких к их семье, можно назвать семейство Ауновских, с которым родители Ленина познакомились еще в Пензе, публициста Валериана Назарьева с супругой, Льва Персиянинова (сыновья которого один год даже жили у Ульяновых), домашних докторов Ивана Покровского и Александра Кадьяна. Илья Николаевич покровительствовал молодым учителям, старался способствовать карьере тех младших коллег, которых считал достойными. Некоторые из них становились друзьями семьи.

Общались и с родственниками. Летом семья Ульяновых часто ездила в Кокушкино, в имение Бланков. Там дети могли вдоволь резвиться и играть на природе, а также общаться с родственниками по материнской линии. Менее тесными были контакты с астраханской родней.

Дети Ульяновых, совершенно в русле семейной традиции, тоже предпочитали дружить между собой, хотя этим круг их социальных контактов не ограничивался. Старшие помогали матери заботиться о младших. Семья устраивала музыкальные вечера с хоровым пением, дети вместе работали в саду, а каждую неделю совместными усилиями выпускали рукописный журнал «Субботник». «Помню какую-то особую атмосферу духовного единения, общего дела, которая обволакивала наши собрания», — вспоминала впоследствии Анна Ильинична.

В семье Ульяновых было принято проводить время вместе. Нередко устраивались литературные викторины. В большом почете были шахматы — Илья Николаевич выучил этой игре всех своих детей. «Шахматы любил наш отец, и любовь эта передалась всем братьям. Для каждого из них была радость, когда отец звал их к себе в кабинет и расставлял шахматы. Шахматы эти, которые отец очень берег и которыми все мы восхищались в детстве, были выточены им самим на токарном станке еще в Нижнем Новгороде, до переезда в Симбирск. Мы все выучились играть», — вспоминала Анна Ильинична. Володя начал играть в шахматы в восьмилетнем возрасте и достаточно быстро стал отличным шахматистом, обыгрывавшим даже отца. Эту страсть и мастерство он сохранил на всю жизнь.

Самым близким другом и товарищем по играм для маленького Володи являлась его сестра Ольга, которая была ему ближе всего по возрасту. Но самым большим авторитетом для мальчика стал его старший брат Саша. Володя часто подражал брату, стремился во всем брать с него пример. Родители даже беззлобно подшучивали над ним, говоря, что он старается все делать «как Саша».

Как и все дети тех лет, младшие Ульяновы играли в огромное количество самых разных подвижных игр — в индейцев, казаков, лапту, пятнашки, салочки... Придумывали и свои игры, например, в «брыкаску». «Что такое «брыкаска»? — вспоминал впоследствии младший брат Дмитрий. — Это не то человек, не то зверь. Но обязательно что-то страшное и, главное, таинственное. Мы с Олей сидим на полу и с замиранием сердца ожидаем появления «брыкаски». Вдруг за дверью или под диваном слышатся какие-то звероподобные звуки. Внезапно выскакивает что-то страшное, мохнатое, рычащее, это и есть «брыкаска» — Володя в вывернутом наизнанку меховом тулупчике. Полумрак, мохнатое существо на четвереньках... Оно рычит и хватает тебя за ногу. Страшно!»

С детства Володя неплохо рисовал. Именно мать научила его «тайнописи» — письму молоком, когда строчки, написанные на бумаге, проступали только при нагревании. Впоследствии это знание пригодилось ему в тюрьме. Мальчик любил петь (опять же эту склонность он сохранит на всю жизнь), но был равнодушен к музыкальным инструментам. Не было у него и какого-либо ярко выраженного хобби.

Как и все мальчики, Володя любил играть в солдатиков. Под руководством старшего брата дети вырезали из бумаги целые армии и устраивали сражения. Володя неизменно раскрашивал своих солдатиков в цвета армии северян времен Гражданской войны в США. Разгадка проста — к числу любимых книг мальчика при-

надлежал знаменитый роман Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Книга, посвященная борьбе негров-рабов за свободу, глубоко потрясла мальчика и стояла в его комнате на почетном месте. При желании именно чтение этой книги можно считать началом того пути, который превратил Ульянова в Ленина.

Но не будем забегать вперед. Володю, как и других детей в семье Ульяновых, начали рано готовить к поступлению в гимназию. Много внимания его обучению уделяла мать; однако занимали и репетиторов, молодых учителей, знакомых Илье Николаевичу. Родители не стали отдавать Володю в подготовительный класс, решив, что домашнее образование окажется эффективнее. И они оказались правы; по крайней мере, в 1879 году мальчик без особых проблем сдал сложные экзамены в Симбирскую классическую гимназию и был зачислен в первый класс вместе с 29 сверстниками. В той же гимназии, но несколькими классами старше, учился и его брат Саша.

Гимназия в дореволюционной России считалась элитной школой, открывавшей перед выпускником двери для поступления в университет и дальнейшей карьеры. Учились там в основном дети представителей российского среднего класса. Выходцы из низших слоев, пусть даже очень одаренные, имели мало шансов преуспеть — хотя бы потому, что обучение в гимназии было платным. Спустя несколько лет, в 1887 году, правительство и вовсе примет печально известный «циркуляр о кухаркиных детях», в результате чего, как было сказано в самом документе, «гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих, за исключением разве одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию».

Учиться в гимназии было сложно. Уже в первом классе ученики должны были проводить в классах по 28 часов в неделю, восемь из которых были уроками латыни. Позднее к латыни добавлялся древнегреческий, так что к выпускному восьмому классу на древние языки приходилась примерно половина учебного времени. Столь важное место отводилось им не только потому, что изучение классической латыни и древнегреческого считалось отличной гимнастикой для ума. Чтение текстов античных авторов, полагали педагоги того времени, способствует воспитанию молодежи, прививает им правильную систему ценностей, учит добродетели.

Разумеется, знакомство с произведениями Цицерона, Гомера и Геродота не могло повредить подросткам. Однако проблема заключалась в том, что другим предметам уделялось явно недо-

статочно внимания. Гимназисты учили французский и немецкий языки, однако естественно-научные дисциплины (физика, химия, биология) преподавались в минимальном объеме. Весьма ограниченным и односторонним было и знакомство с русской литературой. Гимназисты должны были заучивать огромное количество стихотворений, однако все произведения, в которых был малейший намек на неблагонадежность, были исключены из школьной программы. Более того, директор гимназии даже запретил ученикам посещать городскую Карамзинскую библиотеку!

К слову сказать, этим директором был Федор Михайлович Керенский — отец того самого Александра Керенского, недолгое правление которого много лет спустя прервет бывший гимназист Володя Ульянов. Последний глава Временного правительства был на 11 лет моложе Ленина. Позднее, находясь в эмиграции, он вспоминал, что совсем маленьким мальчиком бывал с отцом в доме Ульяновых.

Ежегодно гимназисты должны были сдавать письменные, а иногда еще и устные экзамены. По их результатам многие оставались на второй год либо вовсе покидали учебное заведение. Достаточно сказать, что из набора 1879 года до получения аттестата зрелости дошли, ни разу не оставшись на второй год, лишь 8 гимназистов.

Но вернемся к Володе. На момент поступления в гимназию он был самым младшим в своем классе — ему было 9 лет и 4 месяца, в то время как минимальным возрастом считался 10-летний. Описывая его учебу в гимназии, трудно избежать шаблонных фраз, которыми обычно характеризуют отличников и которые в изобилии встречаются в биографиях знаменитостей. Учеба давалась Володе легко. В то время как многие его одноклассники не выдерживали огромной нагрузки и суровой дисциплины и «сходили с дистанции», будущий вождь революции получал только отличные оценки. Сказались качество домашнего образования и любовь к упорному труду, привитая с детства. Но налицо были и немалые способности мальчика; отец даже опасался, что Володя слишком легко справляется с нагрузкой и из-за этого не сможет воспитать в себе должного усердия. Любимыми предметами Владимира были древние языки (которыми он владел в совершенстве) и история.

«Способности он имел совершенно исключительные, — вспоминал впоследствии один из его одноклассников, Александр Наумов, писавший свои мемуары в эмиграции и потому не имевший никаких поводов восхвалять вождя. — Обладал огромной памятью, отличался ненасытной научной наблюдательностью и необычайной работоспособностью, <...> я все шесть лет прожил с ним в гимназии бок о бок, и я не знаю случая, когда Володя Ульянов не смог бы

найти точного и исчерпывающего ответа на какой-либо вопрос по любому предмету. Воистину, это была ходячая энциклопедия, полезно-справочная для его товарищей и служившая всеобщей гордостью для его учителей. Как только Ульянов появлялся в классе, тотчас же его обычно окружали со всех сторон товарищи, прося то перевести, то решить задачку. Ульянов охотно помогал всем, но настолько мне тогда казалось, он все же недолюбливал таких господ, норовивших жить и учиться за чужой труд и ум».

Другой одноклассник Ленина, поэт Аполлон Коринфский, вынес из гимназии похожие впечатления: «Не по годам серьезный, относящийся к приготовлению уроков, как к некоему священнодействию, но не имеющий надобности прибегать к практикующейся менее способными товарищами по классу «зубрежке», пробудивший во мне старые воспоминания «одноклассник» — наш первый ученик. <...> Первый из сорока пяти, неизменный «пятерочник». <...> Семь лет мы были с ним вместе в гимназии, и он во все продолжение их оставался первым. Все предметы — от чистописания в младшем и до тригонометрии, космографии и логики в старших классах — были для него одинаково серьезными. И «латинист», и «грек», и «математик», и «словесник» — все учителя были для него непреложными вещателями истины, без основательного познания каковой непременно ощущался бы пробел в его образовании <...>. И нужно было видеть, каким лихорадочным румянцем вспыхивало его лицо — до корней волос — в тех редких случаях, когда почему-либо он не мог сразу ответить на внезапно заставший его отвлеченное внимание вопрос того или другого преподавателя <...>. Но на редкость обостренная сообразительность всякий раз вызволяла мальчика из непривычных затруднений. «Позвольте подумать! Сейчас, сейчас! — молящим тоном, торопливо повторял он. — Да, да... Сейчас...» И действительно, тотчас же разрешал смутивший было его на несколько мгновений вопрос. Непоколебимая репутация «первого из сорока пяти» блистательно восстанавливалась».

В то же время было бы неправильно представлять себе Володю Ульянова книжным червем, проводящим все свое время за письменным столом. Сделав уроки, он любил гулять и играть в саду. Вместе с приятелем Володя пытался ловить птиц, бегал купаться и рыбачить (при этом однажды едва не утонул, провалившись в водоем с глубоким илистым дном), зимой катался на коньках. В общем, будущий лидер большевиков мало чем отличался от своих сверстников. Впоследствии он вспоминал: «Вы на Волге бывали? Знаете Волгу? Плохо знаете? Широка! Необъятная ширь. Так широка... Мы в детстве с Сашей, с братом, уезжали на лодке далеко,

очень далеко уезжали. И над рекой, бывало, стелется неизвестно откуда песня».

И внешне, и по своему характеру Владимир был очень похож на своего отца. Его старшая сестра Анна много лет спустя вспоминала: «Володя был вспыльчивым, что унаследовал от отца, на которого очень походил, и, как отец, он научился с годами по-барывать эту вспыльчивость. Но, унаследовав от отца сложение, черты лица и характера: большую исполнительность, неуклонность в стремлении к поставленной цели, лично большую скромность и нетребовательность, консерватизм привычек и т. п., до мелочей — он был совершенно своеобразен по большей смелости и самоуверенности с детства. Отец, прошедший суровую школу воспитания, был очень скромным и застенчивым человеком. Строгое и замкнутое воспитание получила и мать, часто жалевшая впоследствии, что застенчивость много вредила ей в жизни. Эту дерзновенную смелость <...> пронес через всю свою жизнь один Володя. Конечно, свободные условия воспитания имели тут значение, но все же несомненное своеобразие типа было в Володе с раннего детства».

У мальчика были приятели, товарищи по играм, но не было близких друзей. Учитывая определенную замкнутость семьи Ульяновых, удивляться этому не приходится. «Ульянов в гимназическом быту довольно резко отличался от всех нас — его товарищей, — вспоминал его одноклассник Наумов. — Начать с того, что он ни в младших, ни тем более в старших классах никогда не принимал участия в общих детских и юношеских забавах и шалостях, держась постоянно в стороне от всего этого и будучи непрерывно занят или учением, или какой-либо письменной работой. Гуляя даже во время перемен, Ульянов никогда не покидал книжки и, будучи близорук, ходил обычно вдоль окон, весь уткнувшись в свое чтение. Единственно, что он признавал и любил как развлечение, — это игру в шахматы, в которой обычно оставался победителем даже при одновременной борьбе с несколькими противниками. По характеру своему Ульянов был ровного и скорее веселого нрава, но до чрезвычайности скрытен и в товарищеских отношениях холоден: он ни с кем не дружил, со всеми был на «вы», и я не помню, чтоб когда-нибудь он хоть немного позволил себе со мной быть интимно-откровенным. Его «душа» воистину была «чужая» и, как таковая, для всех нас, знавших его, оставалась, согласно известному изречению, всегда лишь «потемками». В общем, в классе он пользовался среди всех его товарищей большим уважением и деловым авторитетом, но вместе с тем нельзя сказать, что его любили, скорее — его ценили. Помимо этого, в классе

ощущалось его умственное и трудовое превосходство над всеми нами, хотя надо отдать ему справедливость — сам Ульянов никогда его не выказывал и не подчеркивал».

Примерно то же вспоминал и Аполлон Коринфский, говоря: «Он никогда ни с кем из нас не сблизился на почве дружбы. Товарищеские начала соблюдались им неуклонно и неизменно; но не было случая, когда бы эти отношения переходили на более интимную плоскость. Он был для всех «наш», но ни для кого не был «своим». Это вносило уже известный элемент холодности, хотя нельзя сказать, чтобы эта холодность сбивалась на отчужденность». И все же приятели у Володи были, однако не из круга его одноклассников-гимназистов. Так известно, что он тесно общался с детьми коллег своего отца — Борисом Фармаковским и Николаем Стржалковским.

Пока Володя Ульянов корпел над трудами античных авторов, в стране происходили большие перемены. После убийства Александра II в 1881 году Россия вступила в полосу реакции. Илья Николаевич ни в коей мере не сочувствовал террористам и был вполне лояльным подданным империи. Однако происходившие в стране процессы затронули и его. В 1884 году представители духовенства раскритиковали директора народных школ за то, что он уделяет недостаточное внимание религиозному воспитанию в учебных заведениях. Спор с церковниками попортил отцу семейства Ульяновых много крови. Его и без того не слишком крепкое здоровье пошатнулось. Практически сразу же после Рождества 1886 года он слег. В семье поначалу не придали его недомоганию большого значения — решили, что обострилась хроническая болезнь желудка. Сам Илья Николаевич пытался делать вид, что все в порядке, и даже заняться служебными делами — тем самым, возможно, подписав себе смертный приговор. Днем 12 января он не пошел обедать со всей семьей; когда жена и дети уже сидели за столом, Ульянов-старший вышел из своего кабинета, обвел всех долгим взглядом и снова скрылся в дверях.

Через несколько часов его не стало. Приехавший уже к постели умершего доктор констатировал кровоизлияние в мозг. Напряженно работая, отдавая все силы своему призванию, обеспечив достойный уровень жизни своей семье, Илья Николаевич Ульянов подорвал свое здоровье. Организм уже немолодого мужчины не выдержал напряжения.

Хоронили его через три дня, 15 января. В Симбирске Ульянова любили и уважали, поэтому на похороны пришло много людей — коллеги, подчиненные, ученики... «В местном обществе Илья Николаевич заслужил редкое внимание и уважение, — говори-

лось в некрологе, опубликованном в местной газете. — Смерть Ильи Николаевича была встречена как близкая для всех утрата. К 9 часам утра все сослуживцы покойного, учащие и учащиеся в городских народных училищах, г-н вице-губернатор, директор и многие учителя гимназии, кадетского корпуса, духовной семинарии и все чтители памяти покойного (а кто в Симбирске не знал и не уважал его!) и огромное число народа наполнили дом и улицу около квартиры покойного <...> Гроб с останками покойного был принят на руки его вторым сыном, ближайшими сотрудниками и друзьями».

На могиле Ильи Николаевича вдова поставила скромный памятник. Теперь семье нужно было привыкать к гораздо более сложным материальным условиям.

Володя неожиданно для себя оказался самым старшим мужчиной в доме. Александр, студент Санкт-Петербургского университета, находился в Северной столице. Правда, «пятнадцатилетним капитаном» Владимиру становиться было не нужно: бразды правления твердо удерживала в своих руках Мария Александровна. Уже 14 января она подала прошение о назначении ей и детям пенсии в связи с утратой кормильца.

Смерть отца стала для Володи тяжелым ударом. Он не жаловался и не плакал, но его поведение серьезно изменилось. Он стал более своевольным, начал дерзить матери, так что приехавшему на летние каникулы старшему брату пришлось его урезонивать. «Человек очень способный, но мы с ним не сходимся», — сказал Александр о своем младшем брате. Володя стал также более замкнутым, ушел в себя, все больше времени проводил с книгами. Из его поведения не стоит делать какие-либо далеко идущие выводы. В конце концов, он был в самом сложном, переходном подростковом возрасте, когда многие даже без всяких жизненных потрясений начинают вести себя не вполне адекватно.

Гораздо более важна для понимания личности Ленина другая деталь. Перенесенная трагедия никак не сказалась на его учебе. Он продолжал упорно трудиться и считаться лучшим учеником в классе. В мае 1887 года он сдал десять выпускных экзаменов, и все — на «отлично». Гимназию Владимир Ульянов окончил с золотой медалью. Директор гимназии Керенский дал ему следующую характеристику:

«Весьма талантливый, постоянно усердный и аккуратный, Ульянов во всех классах был первым учеником и при окончании курса награжден золотой медалью как самый достойнейший по успехам, развитию и поведению. Ни в гимназии, ни вне ее не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он

словом или делом вызвал в начальствующих и преподавателях гимназии непохвальное о себе мнение».

И все же в бочке меда была ложка дегтя:

«Добрые плоды домашнего воспитания были очевидны в отличном поведении Ульянова. Присматриваясь ближе к образу домашней жизни и к характеру Ульянова, я не мог не заметить в нем излишней замкнутости и чуждаемости даже с знакомыми людьми, а вне гимназии и с товарищами, которые были красою школы, и вообще нелюдимости».

<...>